

И.В. Неволлина

Неволлина Ирина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 30/1), директор музея истории УрГПУ.

Телефон/Phone: +79022653615. . Электронная почта/E-mail: nevolinanirina@gmail.com

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ 70 ЛЕТ СПУСТЯ: «БЕГОМ ОТ ПАКТА» ИЛИ «НАЗАД В БУДУЩЕЕ»?

Советско-германские отношения 1939-1941 гг. на протяжении многих лет находятся в центре внимания российской и зарубежной общественности. Пакт Молотова-Риббентропа и секретный дополнительный протокол к нему, последующие соглашения между СССР и Германией, причины развязывания Второй мировой войны - это те вопросы, которым посвящено огромное количество исследований. В статье рассмотрена современная российская и германская историография пакта Молотова-Риббентропа.

Ключевые слова: пакт Молотова-Риббентропа, советско-германские отношения, Вторая мировая война, национальная историография.

Известный мексиканский историк К.А.А. Рохас отметил, что в XX в. история окончательно перестала быть только «наукой, изучающей прошлое, в испуге отстранившейся от фактов и событий настоящего». Напротив, она обращена к настоящему, погружена в него полностью (1). Яркий тому пример – советско-германский договор о ненападении, подписанный 70 лет назад, 23 августа 1939 г. Спустя неделю после заключения этого договора началась Вторая мировая война – самая страшная и кровопролитная в истории человечества. В преддверии юбилейной даты вопрос о взаимосвязи этих событий вновь привлек внимание не только историков-профессионалов, но и широких кругов общественности как в России, так и за рубежом. В странах Балтики годовщину подписания пакта о ненападении отметили массовым забегом, продемонстрировав этим общее стремление убежать от трагического прошлого; Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию, в которой предлагается объявить 23 августа Всеевропейским днем памяти жертв ста-

линизма и нацизма: в России создана комиссия по борьбе с фальсификациями истории и вышла в свет книга А. Кунгурова, в которой автор заявляет, что никакого пакта и секретных протоколов вообще не существовало. Это миф, внедренный в массовое сознание американскими спецслужбами (2). Дискуссии по проблемам советско-германских отношений 1939 – 1941 гг. идут в разных странах на самом высоком уровне, фактически выходя за рамки научных споров, превращаясь в политические дебаты в контексте сегодняшнего развития международных отношений. В данной статье предпринимается попытка проанализировать современную историографическую ситуацию вокруг пакта Молотова-Риббентропа в России и Германии – странах, правительства которых в условиях международного политического кризиса 1939 г. принимали судьбоносные для всего человечества решения (3).

В течение последних двух десятилетий тема пакта Молотова-Риббентропа несколько раз попадала в эпицентр внимания отечественных и зарубежных исследователей. В первый раз – в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с началом «эпохи гласности» в СССР, раскрытием советских архивов и возникновением вопроса о существовании секретного дополнительного протокола к пакту.

Официальная советская интерпретация пакта Молотова-Риббентропа базировалась на следующих принципиальных положениях: подписание договора с Германией было вынужденным, единственно верным и мудрым шагом, позволившим отодвинуть начало советско-германской войны и принять необходимые меры, направленные на подготовку страны к отражению агрессии. Существование секретных протоколов отрицалось. В 1985–1992 гг. многие историки продолжали отстаивать официальную версию событий (4). Интересная точка зрения была высказана М. Буроменским: ещё с дореволюционных времён политическое и экономическое сотрудничество России и Германии так тесно переплелись, что никакие политические распри не могли их уже разорвать. Исходя из этого, автор делал вывод, что пакт Молотова-Риббентропа вполне закономерен. «поворота» в политике советского правительства не было (5). Появились и противники официальной версии событий, которые заявили, что альтернативы пакту были, причём многовариантные, но у Сталина не было желания их реализовать (6).

Одним из самых дискуссионных и болезненных для обществности, безусловно, стал вопрос об оценке договора о ненападении и секретного протокола к нему. С середины 1980-х гг. пакт стали расценивать неоднозначно. А.С. Якушевский утверждал, что «пакт не был направлен против интересов какого-либо третьего государства и соответствовал принципам пролетарского интернационализма, классовым интересам международного коммунистического движения» (7). Поло-

жительно оценивал пакт и В.Я. Сиполс (8). Второй Съезд народных депутатов СССР в 1989 г. подвёл некий итог дискуссиям. Комиссия во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС А.Н. Яковлевым пришла к выводу: «Содержание договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой, принятыми для подобного рода урегулирований» (9). М.И. Семиряга, напротив, высказал мнение, что «заключённый договор нанёс большой ущерб международному престижу СССР, лёг чёрным пятном на советскую внешнюю политику...». Подписание этого договора Семиряга назвал одним из самых крупных политических просчётов Сталина (10).

На Втором Съезде народных депутатов впервые было официально заявлено о существовании секретного дополнительного протокола. Комиссия констатировала, что, принятый по настоянию Сталина, секретный протокол (как и другие тайные советско-германские договорённости 1939–1941 гг.) использовался советским руководством «для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств» (11). Было признано, что «протокол от 23 августа 1939 г. и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939–1940 гг., как по методу их составления, так и по содержанию являлись отказом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятые в них разграничения „сфер интересов“ СССР и Германии и другие действия находились в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран» (12). Однако, на Съезде так и не было признано, что оригиналы секретных протоколов хранятся в архиве Общего отдела ЦК КПСС (13). Выступая на съезде, Яковлев заявил, что оригиналы протоколов отсутствуют, а факт их подписания был охарактеризован как «не единственная, но одна из наиболее опасных мин замедленного действия из доставшегося нам в наследство минного поля...» (14) Существование оригиналов секретных протоколов официально было признано только в 1992 г. (15)

Дискуссия о советско-германских отношениях августа – сентября 1939 г. охватила литературные и научные журналы, еженедельники и газеты, приведя к головокружительному росту их тиражей. Помимо этого, были бесчисленные передачи, публичные диспуты и «круглые столы». В 1987–1989 гг. многим казалось, что народ «заново учится читать» (16). В этом, несомненно, был отрицательный момент: «Только загнанные в подполье зануды-профессионалы ведут долгий список перепутанных дат и перевернутых фамилий, непроверенных фактов и неточных цитат. Но кто их теперь слушает, этих зануд? Одна газета приводит сегодня сомнительное свидетельство, завтра другая уже ссылается на него как на достоверный источник» (17).

Таким образом, для развития отечественной историографии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. были характерны открытость дискуссий и тесное переплетение с политическими событиями в стране – стремлением Прибалтийских республик выйти из состава СССР.

Историко-политические дебаты в России не могли не вызвать интереса ученых Германии. Вторая половина 1980-х гг. в западногерманской исторической науке ознаменовалась так называемым «спором историков», в ходе которого вновь встал вопрос об ответственности за развязывание Второй мировой войны, о причинах распространения национал-социалистической идеологии, о преступлениях нацизма (18). Оживился и интерес историков к обстоятельствам и причинам заключения «пакта Гитлера – Сталина».

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Германии было издано много работ, посвященных истории советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. (19). Среди немецких историков также не было единой точки зрения на события кануна Второй мировой войны. Значительная часть трудов, опубликованных в это время, была написана в русле консервативной концепции пакта, зародившейся еще на рубеже 1940-1950-х гг. под влиянием идеологического противостояния. Согласно этой концепции, подписание пакта Молотова-Риббентропа произошло по инициативе Сталина, который планировал использовать сговор с Гитлером в качестве инструмента для реализации экспансионистских замыслов (20). А. Хильгрубер подчеркивал, что пакт для диктаторов был «временным совпадением двух стратегий». Сталин не столько преследовал территориальные интересы, сколько стремился реализовать свою мечту – столкнуть Гитлера с западными странами, ослабить их. Таким образом, Сталин пытался не предотвратить войну, а косвенно вызвать ее с помощью Гитлера как главного действующего лица, которое «обеспечит развязывание войны» (21). Х.-И. Торке отмечал, что и СССР, и Германия одинаково виновны в развязывании войны, поскольку «сразу после подписания договора обе страны принялись решать свои территориальные проблемы». Заключением пакта СССР «отпраздновал» в преддверии Второй мировой войны «кооперацию с гитлеровской Германией» (22).

Ряд историков высказали мнение, что решение Сталина о заключении пакта с Гитлером было принято не столько из соображений мировой революции, сколько из интересов безопасности, которые объединили в себе оборонительные и наступательные черты (23). По мнению Р. Аманна, советский проект германо-советского договора 1939 г. был не столько отходом от политики М.М. Литвинова, сколько возвратом к советской политике договоров, проводившейся до 1933 г. С этой точки зрения пакт между Гитлером и Сталиным в действительности был «пересе-

чением двух линий развития»: заинтересованности Гитлера в том, чтобы локализовать войну против Польши и сталинской политики ухода от соглашений с капиталистическими государствами о сохранении статус-кво в Восточной и Центральной Европе. Но между ними пролегли два поворота советской политики – 1933 – 1934 гг. и 1939 г. В целом советская внешняя политика была результатом соединения идеологических и стратегических интересов. С самого начала договор о ненападении был для Гитлера пактом о «пока ненападении», который в любой момент можно было нарушить. Сталин же, отвергнув другие альтернативы развития событий, предпочел союз с Гитлером для реализации своих геополитических интересов (24). Солидарен с такой оценкой германский историк Г. Шрайбер (25).

Ряд германских исследователей выступили с критикой консервативной концепции пакта Молотова-Риббентропа. В России наиболее известен труд И. Фляйшхауэр, переведенный на русский язык в начале 1990-х гг. В работе И. Фляйшхауэр были очень подробно рассмотрены обстоятельства подписания договора, проведен его текстовый анализ. В результате исследования автор приходит к выводу, что инициатива подписания пакта исходила со стороны Берлина. Движущей силой сближения были германские дипломаты, уверенные в невозможности для Германии вести войну на два фронта (26).

По поводу вопроса о том, явилось ли подписание пакта непосредственной причиной развязывания Второй мировой войны, существует несколько точек зрения. Г.-Р. Юбершер считает, что подписание договора от 23 августа 1941г. было для Гитлера лишь хитрым шагом для достижения своих целей: «Гитлер никогда не отказывался от своей программной цели» (27). Гитлер не считал пакт с СССР настоящим союзом, а рассматривал его лишь как ограниченный по времени тактический маневр, который закончится, когда у него будут развязаны руки на Западе, чтобы затем возобновить борьбу с большевизмом в рамках своей восточной программы. Война с СССР предназначалась для того, чтобы реализовать старую расово-идеологическую «восточную программу» Гитлера. Пакт о ненападении, заключенный с Москвой, не мог удержать его от исполнения своего намерения, ибо этот пакт был для Гитлера всего лишь средством выхода из политического кризиса летом 1939 г. (28).

К. Хильдебранд, напротив, – сторонник версии, что именно договор о ненападении от 23 августа 1939 г. стал непосредственным поводом для развязывания войны (29). Более нейтральную оценку событиям августа – сентября 1939 г. дали Г. Хасс и Г.-А. Якобсен: «Несомненно, главную ответственность за развязывание войны несет гитлеровская Германия. Однако соучастниками этих событий являются и правительства Англии, Франции и Советского Союза, которые не смогли сохра-

нить мир для своих народов» (30). Якобсен подчеркивал, что «свободной от вины за эту вторую европейскую катастрофу едва ли была какая-либо держава, ибо все позже участвовавшие в войне государства ранее оказывали более или менее сильное содействие национал-социалистской политике» (31).

Дискуссии в ФРГ и России по проблемам советско-германских отношений 1939 – 1941 гг. получили новый вектор развития в начале 1990-х гг., когда от обсуждения пакта Молотова-Риббентропа и секретного протокола центр тяжести сместился к версии В. Суворова (Резуна) о «превентивной войне» Гитлера против Сталина (32). Как в России, так и за рубежом нашлись сторонники и противники этой точки зрения.

К началу 2000-х гг. пакт Молотова-Риббентропа практически перестали обсуждать на страницах научной литературы. Казалось, что эта тема уже не представляет интереса для исследователей и «вытеснена» из памяти более значимыми историческими событиями. Однако, по всей видимости, забвение было временным. В связи с юбилеем вновь стали актуальны следующие вопросы: когда начался поворот советской внешней политики в сторону сотрудничества с Германией, кому принадлежала инициатива подписания секретных протоколов к пакту, насколько вынужденным был пакт Молотова-Риббентропа, каковы последствия заключения этого договора? 70-лстие пакта и начала Второй мировой войны стали поводом для целого ряда публикаций в России и ФРГ (33). Резкие оценки пакта Молотова-Риббентропа в странах Балтии, в Польше и ряде других государств сопровождались жесткой критикой в адрес России за то, что она публично не осуждает действия Советского Союза, не произносит слов покаяния и извинения. Выступление в Гданьске премьер-министра России В.В. Путина в немецкой прессе назвали «трюком на канате», поскольку «каждое его слово имело значение не только в Москве» (34).

Анализ новых работ по истории советско-германских отношений 1939 – 1941 гг. позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на разнообразие мнений и оценок, в отечественной историографии наблюдается постепенный возврат к концепции «вынужденности» подписания пакта Молотова-Риббентропа. Так, М.Ю. Мягков подчеркивает, что «пакт – единственно верное решение в сложившейся международной обстановке. Он оказал «отрезвляющее» действие на политических деятелей западных демократий, которые после 23 августа «осознали, что СССР не позволит сделать из себя мальчика для битья»: вскоре начались англо-советские и американо-советские дипломатические переговоры, которые в конечном итоге привели к формированию антигитлеровской коалиции (35). А.О. Чубарьян, характеризуя тяжелые условия, в которых был подписан договор о ненападении, отмечает, что «подписание

договора с Германией меняло всю геополитическую ситуацию в восточноевропейском регионе. Вряд ли в Москве были в тот момент полны иллюзий об отказе Гитлера от антисоветских планов. Но на определенном отрезке времени казалось, что Советский Союз выходит из международного кризиса с явными дивидендами – договором о ненападении с Германией и с неожиданной перспективой утвердиться в восточноевропейском регионе (36). С критикой «концепции вынужденности» пакта выступает С.З. Случ: «Инициатива по улучшению отношений между СССР и Германией постоянно исходила только от Сталина, видевшего в этом не только гарантии безопасности СССР, но и возможность наращивания военной мощи и политического влияния страны на международной арене». По мнению автора, «ни один из союзников нацистской Германии на протяжении всей Второй мировой войны не создавал для нее таких возможностей по маневрированию вооруженными силами, как Советский Союз в 1939 – 1940 гг., снявший с повестки дня даже гипотетическую угрозу ведения войны на два фронта» (37).

Из современных исследований германских авторов, безусловно, стоит отметить самый последний фундаментальный труд, посвященный пакту Молотова-Риббентропа. Его автор Я. Липинский дает договору о ненападении резкую оценку, подчеркивая, что «с точки зрения международного права германо-советское неуважение свободы, суверенитета, территориальной целостности и существования других государств и их народов было беспрецедентным» (38). Инициатива подписания пакта и секретного протокола к нему исходила от Сталина, который «впоследствии использовал протокол в качестве политической базы для агрессивной экспансии на Запад» (39). По мнению Липинского, история «дружбы Сталина и Гитлера, история секретных протоколов еще далека от завершения».

Г. Розенфельд и Д. О'Салливан придерживаются точки зрения, что инициатива подписания пакта принадлежит только Гитлеру, который «хотел обеспечить прикрытия с тыла для агрессии в Польше» (40).

Таким образом, анализ научных и публицистических работ, а также материалов современной периодической печати в России и ФРГ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, большинство отечественных и немецких ученых на сегодняшний день не подвергают сомнению факт существования секретного протокола к пакту Молотова-Риббентропа. Попытка А. Кунгура накануне 70-летней годовщины пакта преподнести общественности сенсационное исследование о том, что история с протоколом – провокация американских спецслужб, не выглядит убедительной. Во-вторых, единства в оценках пакта и необходимости и вынужденности его заключения нет сегодня ни в среде отечественных, ни в среде зарубежных историков. В германской историографии преобла-

дающей является консервативная концепция пакта Молотова-Риббентропа. В российской исторической науке наблюдается все большее стремление вернуться к традиционной трактовке пакта как «мудрого и единственно верного решения». В-третьих, нельзя не согласиться с мнением Липинского о том, что история пакта еще далека от завершения. Обсуждение спорных вопросов на высоком политическом уровне показывает, что события августа – сентября 1939 г. еще не стали прошлым. Это тот случай, когда «история еще настолько близка, что настоящее не отпускает прошлое» (41). Вследствие этого объективная оценка событий пока невозможна.

Почему события семидесятилетней давности по-прежнему актуальны? Обыденное знание о прошлом складывается, по меньшей мере, из двух компонентов. Во-первых, это знания, формируемые на основе личного опыта действующего. Во-вторых, это различного рода групповое прошлое, значимое для определенных социальных групп. Политики всегда пытаются создать то прошлое, которое легитимизирует их притязания на государство и территорию, свою или чужую, на политическое доминирование и обладание культурным капиталом. Они могут полностью определяться политическим моментом, а могут – и призрачным идеалом будущего, но во всех случаях прошлое является важнейшим фактором формирования национальной идентичности и политической мобилизации (42). На наш взгляд, подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении стало своеобразным «местом памяти», где пересекаются воспоминания о прошлом представителей разных стран (43). Значимость этого «места памяти» различна. Для стран Балтики пакт Молотова-Риббентропа и секретные протоколы к нему выступают как фундамент для обоснования современного политического устройства и формирования национальной идентичности на антироссийской почве. Для консервативных историков Германии существование пакта позволяет снять часть вины за развязывание войны с немцев. Создание в России комиссии против фальсификации истории связывается западными историками с попытками российского правительства вытеснить из памяти события августа – сентября 2009 г., поскольку для России это «сильно беспокоящий шрам» (44). Подтверждением этого могут служить слова В.В. Путина, произнесенные в Гданьске: «Взаимные счеты можно предъявлять до бесконечности, но конструктивнее было бы искать пути примирения и сотрудничества» (45). В современной России общезначимым «местом памяти», общенациональным символом великого прошлого и основой для формирования единства является 9 Мая – День Победы (46). Различные основания для идентичности вступают в конфликт и не позволяют истории существовать отдельно от политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рохас К.А.А. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008. С.109.
2. Кунгуров А. Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова-Риббентропа. М., 2009.
3. Стоит отметить, что в зарубежной и отечественной исторической науке за документом, подписанным 23 августа 1939 г., закрепились разные названия. В трудах западных историков его обычно называют «пактом Гитлера-Сталина» (Hitler-Stalin Pakt), в отечественной историографии он известен как «пакт Молотова-Риббентропа», «пакт о ненападении». Нередко используется и нейтральное название «Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года».
4. Якушевский А.С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // История СССР. 1991. №3. С.6-15; Фалин В.А. Почему в 1939-м? // Повое время. 1989. № 24-25; Орлов А.С. СССР-Германия: военно-политические отношения накануне агрессии // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 13-20; В августе 1939... // Политическое образование. 1989. №12. С. 97-105; Август 1939: уроки минувшего // Коммунист. 1989. №12. С. 94-103; Гареев М.А. Об изучении истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1992. №1.; Ржепешевский О.А., Ковалев Ф. Так начиналась война // Урок даст история М., 1991. С. 22.
5. Буруменский М. Август 1939: поворот, которого не было // Знание-сила. 1991. №6. С. 15-18.
6. См.: Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии: 1939-1941. М., 1992. С.56-59; Наджафов Д.П. Советско-германский пакт 1939 года: пересмысленные подходы к его оценке // Вопросы истории. 1991. №1.
7. Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы // Страницы истории советского общества. М., 1989. С. 254-273.
8. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. 1933-1939 гг. М., 1989.
9. Яковлев А.Н. Доклад II Съезду народных депутатов // Актуальные проблемы новейшей истории. М.,1991. С. 38.
10. Семиряга М.И. Указ. соч. С. 57 - 81.
11. Яковлев А.Н. Указ. соч. С. 39.
12. Там же.
13. Павлова И. В. Поиски правды о кануне Второй мировой войны // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2006. С. 239.
14. Яковлев А.И. Указ. соч. С.39.
15. Безымснский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002. С. 14-16; Хавкин Б. «Нас никто уличить не сможет»: Как были опубликованы советские тексты советско-германских секретных документов // Родина. 2009. №8. С.25-29.
16. Поляков Ю.А. Наша непредсказуемая история. Полемике и дискуссии. М., 1995. С. 188.
17. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Послушная история, или новый публицистический рай. Грустные заметки // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С.7.
18. Хёрстлер-Филипс У. «Спор историков» в ФРГ // Новая и новейшая история. 1988. №3; Черкасов Н.С. ФРГ: «спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. № 1.; Schlögel K. Im Widerschein des Feuers. Die dramatische Geschichte der Sowjetunion erfährt die Lebenden // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 21.11.1987.
19. Ahmann R. Der Hitler-Stalin-Pakt. Eine Bewertung der Interpretationen sowjetischer Außenpolitik mit neuen Fragen und neuen Forschungen // Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. München, Zürich. 1989. S. 93-102; Hass G. 23 August 1939. Der

Hitler-Stalin Pakt. Dokumentation. Berlin. 1990; Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Text und Dokumentation. Hannover. 1991; Topitsch E. Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. München. 1985; Fleischhauer I. Der Pakt. Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938 – 1939. Berlin. 1990.

20. Topitsch E. Op.cit. P. 18.

21. Hillgruber A. Der Zweite Weltkrieg. 1939-1945; Kriegsziele und Strategie der großen Mächte. Stuttgart; Berlin; Köln. 1989.

22. Цит. по: Камынин В.Д. Нет пророка в своем Отечестве: современная германская историография пакта Молотова-Риббентропа // Россия и Европейский союз: стратегия взаимодействия: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург. 2003. С. 164-172.

23. Айхольц Д. Цели Германии в войне против СССР: об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма // Новая и новейшая история. 2006. №2; Пиетров-Энкер Б. Германия в июне 1941 г. – жертва советской агрессии? // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 459-476.

24. Ahmann R. Op. cit. S. 100.

25. Schreiber G. Der Zweite Weltkrieg in der internationalen Forschung. Konzeptionen, Thesen und Kontroversen // Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. München, Zürich. 1989. S. 17.

26. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. М. 1991. С.25-40.

27. Юбершер Г.-Р. 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ. К вопросу о «превентивной войне» // Новая и новейшая история. 1999. №6. С. 114-125.

28. Он же. «Пакт с сатаной ради изгнания дьявола». Германско-советский договор о ненападении и военные намерения Гитлера в отношении Советского Союза // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 446-459.

29. Hildebrand K. Krieg im Frieden und Frieden im Krieg. Über das Problem der Legitimität in der Geschichte der Staatengesellschaft 1931 – 1941 // Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. München; Zürich. 1989. S. 25-48.

30. Hass G. Der Hitler-Stalin Pakt. Dokumentation. Berlin. 1990. S. 63-72.

31. Якобсен Г.-А. Человечество воевало // Литературная газета. 1989. №35.

32. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну; День «М»: когда началась Вторая мировая война. М., 1994.

33. Дюков А. Пакт Молотова-Риббентропа в вопросах и ответах. М., 2009; Они винить умеют только мертвых // Режим доступа: <http://www.expert.ru/printissues>; Палий С. Делеша из Берлина // Спецвыпуск газеты «Советская Россия» «Улики». 25 июня 2009 г. №1. С. 13-14; Erinnerung an Beginn des Zweiten Weltkriegs // Deutsche Welle / Режим доступа: <http://www.dw-world.de>; Gedenken an Beginn des Zweiten Weltkriegs // Deutsche Welle / Режим доступа: <http://www.dw-world.de>; Делягин М. Правда и ложь о пакте Молотова-Риббентропа // Комсомольская правда (далее - КП). 26.08.2009. / Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24346/535866/>; Сапожникова Г. Первыми с Риббентропом договорились прибалты. И только потом Молотов // КП. 22.08.2009. С.7; Нарочницкая Н. Сталин изменил расписание войны // КП. 27.08.2009. С. 4-5; Колоскова Е. Пакт Молотова-Риббентропа: Советско-германские отношения накануне Второй мировой войны в фотографиях РГАКФД // Родина. 2009. №8. С.46-49 и т.д.

34. Eine schmerzhaftige Wunde: Interview mit Stefan Troebst // Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/politik/922/484359/text>

35. Мягков Ю.М. От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // Международный кризис 1939 – 1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 59.

36. Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008. С. 25-33.
37. Случ С.З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // Международный кризис 1939 – 1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 82.
38. Lipinsky J. Das geheime Zusatzprotokoll zum deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrag vom 23. August 1939 und seine Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte von 1939 bis 1999. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern, 2004. S. 23-44.
39. Ibid. P. 41-44.
40. Rosenfeld G. Die Problematik der sowjetischen Außenpolitik zwischen den beiden Weltkriegen // Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischen Aussenpolitik 1917 – 1924. Stuttgart, 2000. S. 9-33; O'Sullivan D. «Je später man uns um Hilfe bittet, desto teurer wird man sie uns bezahlen» – die sowjetische Aussenpolitik zwischen dem Münchener Abkommen und dem 22. Juni 1941 // Ibid. S. 157 – 203.
41. **Рижер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 373.**
42. Там же. С. 445.
43. Согласно терминологии французского историка П. Нора, «Места памяти – это музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности».
44. Troebst S. Der 23. August 1939: Ein europaischer Lieu de memoire? / Osteuropa. 11.08.2009. / Режим доступа: <http://www.eurozine.com/authors/troebst.html>; Hellfeldt M. Eine Beziehung mit schwieriger Vergangenheit // Der Zweite Weltkrieg im deutschen Bewusstsein // Deutsche Welle. 1.09.2009. / Режим доступа: <http://www.dw-world.de>.
45. Geschichtsstreit überschattet Gedenkfeier in Polen // Spiegel. 1.09.2009 / Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/>
46. Mannteufel I. Die Bedeutung des 9. Mai 1945 für Russland // Deutsche Welle. 9.09.2005. / Режим доступа: <http://www.dw-world.de>; Schrader M. Der Zweite Weltkrieg im deutschen Bewusstsein // Deutsche Welle. 8.05.2005. / Режим доступа: <http://www.dw-world.de>

Irina V. Nevolina

Nevolina Irina Vladimirovna, postgraduate of the Chair of General History of the Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, street Kosmonavtov, 30/1), Director of the Museum of USPU History.

Телефон/Phone: +79022653615. Электронная почта/E-mail: nevolinanirina@gmail.com

The Soviet-German non-aggression treaty 70 years later: "running from the Pact" or "back to the future"?

The Soviet-German Relations during many years are in the center of attention of Russian and foreign public. The Molotov-Ribbentrop Pact and the confidential additional report to it, the following agreements between the USSR and Germany, the causes of the Second World War – a lot of research-

es are devoted to those questions. In this article are considered the modern Russian and German Historiography of Molotov-Ribbentrop Pact.

Key Words: the Molotov-Ribbentrop Pact, the Soviet-German Relations, the Second World War, national Historiography.

А.А. Орлова

Орлова Александра Алексеевна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: orlova_sandra@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ УЭЛЬСА: 10-ЛЕТНИЙ «ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА»

В статье анализируются результаты процесса деволюции Уэльса на примере деятельности Национальной ассамблеи. Автор приходит к выводу, что сложность наделения полномочиями Национальной ассамблеи заключается в традиционности британской системы и тех исторических условиях, при которых Уэльс оказался глубоко интегрирован в Соединенное королевство. Среди положительных сторон в работе Ассамблеи автор отметила решение об учреждении должности уполномоченного по правам детей, поддержку билингвизма в Уэльсе, целенаправленную политику в области сохранения национального наследия. Однако по таким направлениям, как здравоохранение, образование и коммунальные услуги Уэльс после деволюции все так же отстает от Англии, как это было раньше.

Ключевые слова: Уэльс; деволюция; Национальная ассамблея Уэльса.

Как выразился Первый министр Национальной Ассамблеи Уэльса Родри Морган в интервью газете «Уэльс ньюс» в мае 2009 г., «Национальная Ассамблея Уэльса еще только учится управлять Уэльсом» (1). Поэтому десятилетие ее существования можно рассматривать скорее как «опыт строительства»(2), нежели как подведение итогов деволюционных реформ. Однако за это время, исторически очень малое, Ассамблея пережила ряд этапов и достигла определенных результатов. На процессе создания новой легислатуры в Уэльсе и проблемах ее функционировании мы бы хотели остановиться в нашей статье.